

Социология профессий и изучение проблем эволюции профессиональных стандартов и норм в постсоветской науке

Инджиголян А.А., Ветштейн С.С.

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Мақалада кәсіптік әлеуметтану әлеуметтанудың дамуындағы жаңа бағытының теориялық негіздерінің қалыптасуы баяндалады. Кәсіпті зерттеудегі кездесетін айырықша ерекшеленетін теориялық бағыттар: американдық, англо-еуропалық, кеңестік дәстүрлер тұрғысынан қарастырылады. Сондай-ақ қазіргі Қазақстандағы, Ресейдегі «ғалым» кәсібінің реструктуризация мәселесі талданып, кәсібі бар және жоқ адамдар, нарық пен билік арасындағы қарым-қатынастарындағы кездесетін мәселелері (қиындықтары) айқындалады.

Article is devoted the statement of the basic theoretical bases of a new direction in development of sociology — sociology of profession. In this article it was considered distinctive features of approaches to studying of professions by different theoretical traditions: American, English-European, and Soviet. It was analyzed the problems of re-structuring of a «scientist» profession in modern Kazakhstan and Russia and the problems arising in the environment of interaction between professionals, nonprofessionals, the market and the power. The authors use the case study method to illustrate the evolution of post soviet history of science, showing the complex process of forming a new professional identity scientist. The article concludes on the need to support the building of professional scientific subculture in Kazakhstan.

Идея написания этой статьи возникла при прослушивании одним из авторов учебного курса «Labor, Power and the Professions» профессора Rachel Meyer во время стажировки на социологическом факультете Гарвардского университета.

Курс был построен на сосредоточении, описании и анализе новейших исследований трудового процесса в условиях современного капитализма. Иновационность в содержании и построении учебного курса заключалась в том, что трудовой процесс в ходе преподавания не рассматривался как имманентный, самодостаточный и изолированный, а наоборот, исключительно во взаимосвязи его структурных аспектов с культурой, идеологией, и идентичностью. Такой подход позволяет изучать профессии не как совокупность трудовых навыков и определенный характер деятельности, а с точки зрения того, как рабочее место пересекается с родом, семьей, индивидуальным и коллективным опытом за пределами заводских ворот и кабинетов офиса.

Мир профессий изменчив и многообразен; его символические границы, охраняемые традициями, нормами и кодексами, часто постепенно стираются или заново перечерчиваются. Как показывает история социологии профессий, одни профессии исчезают, другие лишь укрепляют свой статус, третьи оказываются вытесненными на обочину, лишаются статуса престижных. Контуры многих профессий под воздействием различных факторов оказываются размытыми. В ряде случаев, если мы начинаем изучать профессии недавно институционализированные, это сопряжено еще и с невысокой степенью интеграции профессионалов, отсутствием корпоративности. В некоторых случаях речь идет о профессиях массовых классических, но по тем или иным причинам утративших доверие общества.

Собственно реконструкция и деконструкция этих сложных процессов и дает понимание, как формируется рынок труда и каковы его прогнозные сценарии развития. Рынок труда, по сути, представляет собой рынок профессий, где востребованность той или иной профессии не может быть объяснена лишь исключительно объективными категориями, например потребностями экономики. Это, безусловно, подтверждается сложившейся на сегодня в Казахстане и в других постсоветских странах асимметрией между спросом на рынке труда и предложением. Так, востребованными с точки зрения абитуриента являются профессии юриста и экономиста, с точки зрения государства — инженер, а с точки зрения работодателя — хороший электрик.

Последнее обстоятельство в постсоветских странах в значительной степени является последствием масштабных социальных трансформаций 1990-х гг. Кризис экономики привел к диверсификации рынка труда и процессам депрофессионализации, кризис ценностных ориентаций — к социальной девальвации таких общественно значимых профессий, как врач и педагог и мифологизации полуправильных и даже преступных видов занятости. Однако некоторые из этих тенденций, на самом

деле, являются общемировым трендом. Действительно, классическое понятие профессии размывается, все больше рабочих мест характеризуются как «гибкие» виды занятости, или «фрилансер».

Главной проблемой для современного капитализма является размывание традиционного понимания класса, отсутствие возможности описать с помощью понятия «профессия» такие различные виды деятельности, как, например, врач и рабочий, функционирование таких различных корпораций, как университет, предприятие и научная лаборатория.

Изучение профессиональных групп — непростое занятие для постсоветского социолога, обремененного обязанностью, с одной стороны, изучать ускользающую от него реальность, с другой — учитывать весь диапазон мировых подходов к анализу профессий и занятости, с учетом советских традиций.

К особенностям отечественной методологии относится укоренившаяся с давних пор привычка рассматривать профессиональную деятельность в терминах функционального содержания и трудовых навыков [1; 245]. Это существенно отличается от сложившихся международных подходов в рамках социологии профессий. Другая отличительная черта — собственно предмет анализа. Западная социология профессий долгое время фактически концентрировалась на осмыслении социальной роли профессиональных групп интеллигенции и среднего класса. Первоначально в фокусе внимания западных исследователей оказывались более престижные по статусу профессиональные группы, такие как врачи, юристы, менеджеры, военные, священники, а позднее — инженеры, учителя, социальные работники. Профессионалами, даже в повседневном понимании, в Западной Европе всегда были и остаются специалисты определенных видов деятельности: как правило, имеющие высшее образование и высокий общественный статус. В советской традиции по идеологическим соображениям преимущественно изучались профессии, связанные с тяжелым физическим трудом, рабоче-крестьянские или инженерные, связанные непосредственно с производством и процессом индустриализации.

Американская традиция трактует понятие «профессия» более широко, как деятельность, приносящую доход и требующую особых знаний, навыков и правил поведения. Соответственно фокус исследования с таких теоретических позиций достаточно широк и в него попадают всевозможные виды занятий. То есть, в отличие от классических определений, можно иметь в виду даже те виды занятий, для которых и вовсе не требуется высшего образования, но где вырабатываются особые, «свои» знания и способы их передачи, вокруг конкретного вида работы складывается свой специфический жизненный мир, формируются стилевые особенности и габитус. Такая научная традиция, зародившаяся еще в работах М.Вебера, а затем получившая развитие у интеракционистов чикагской школы, позволила рассмотреть понятие «профессия» в качестве социального ярлыка, приватизируемого одной более властной группой, и использование этого ресурса в ущерб другим, менее защищенным. В этом смысле, используя слово «профессия», подразумевают определенный вид деятельности, внутренне единый, но при этом отличающийся и даже закрытый от внешнего мира особыми знаниями и технологиями, жесткое противопоставление «мира профессионалов» «миру непрофессионалов».

Такой взгляд позволяет проанализировать различные проявления неравенства как в иерархизированной мозаике профессий и видов занятости в целом, так и внутри профессиональной корпорации. Все они обладают различной властью и степенью автономности своего труда, отличаясь друг от друга особыми маркерами идентификации. Безусловно, каждая профессия стремится ясно очертить круг вопросов, относящихся к сфере ее компетентности, ограничивает профессиональный взгляд на мир, монополизировать профессиональное знание как собственность, поддерживает *status quo*. Поэтому профессионализация здесь толкуется как процесс создания и контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге — стремление к достижению высокого статуса и восходящей социальной мобильности самих профессионалов. Достичь высокого профессионального статуса означает гарантировать высокие материальные награды, минимизировать внешние оценки качества услуг и обеспечивать тем, кто допущен к практике, безопасность как владельцам этого капитала. Отсюда возникают серьезные конфликты между профессионалами и теми, кто посягает на их монополию статуса и экспертизы.

Наблюдать такого рода конфликты и ситуации напряженности позволяет анализ конкретных эпизодов из истории развития постсоветской науки.

В Советском Союзе ученые как профессиональная группа, безусловно, имели высокий статус. Однако в постсоветский период статус и общественная значимость ученых были сильно девальвированы рядом обстоятельств как экономического, так и ценностно-нормативного порядка.

Академические ученые вообще и социальные ученые в частности — это профессиональная группа, которая имеет непродолжительную историю своего институционального развития не только в постсоветском научном пространстве, но и в мире, в частности на Западе. Долгий период научная деятельность понималась и учеными и общественностью не столько как профессия, сколько как призвание, часто сопряженное с отклонением от общепринятых траекторий жизненного успеха (достаточно вспомнить биографии социологов классического периода). Только в период развития общества модерна эта профессия получает массовый характер, формируются институциональные структуры по ее приобретению. В интервью для блога на сайте Фонда «Общественное мнение» известный российский социолог Батыгын Г. отмечал: «Отсюда, вероятно, следует, что Гиппократ не был профессиональным врачом, а Александр Македонский — военным. Первый был врачом, а второй — воином. Идеальные типы профессионального действия — это действия врача, юриста, военного. К этому еще добавляется (я здесь сильно сомневаюсь. — *ремарка автора*), тип научного сотрудника. Мое сомнение связано с тем, что профессионализм и призвание несоединимы: как каша с гайкой. Поскольку профессия — это техническое отношение к миру, а призвание — это говорение на ином языке» [2; 3].

Профессионал — это «...тип отношения к миру, который характеризуется «дистантным» отношением к предмету и рациональным преобразованием жизненного материала» [3; 15]. Профессионал отличается особым отношением к миру, ценностной установкой, доминирующим типом поведения, которые реализуются в науке в четырех мертоновских принципах. Профессионализм — это, скорее, «...модус независимости по отношению к миру, где все уже расколдовано и превращено в материал для дела» [3; 17]. Социология, безусловно, может иметь собственный набор критериев, релевантных только для нее самой. Но одновременно с этим социальные науки не являются автономной и самодостаточной областью знания. Следовательно, система ее профессиональных норм должна быть когерентной требованиям, предъявляемым к науке как социальному институту. В постсоветский период радикально изменились целевые установки в отношении науки.

В проведенном нами исследовании в анкетах был сформулирован общий вопрос, отражающий положение постсоветских ученых и науки: «Что произошло?». От информантов были получены ответы:

- упал престиж профессии ученого;
- резко снизился его социальный статус;
- произошла экономическая пауперизация ученых;
- сократились до минимума их участие во власти и возможности влияния на управление обществом.

Естественно, внешняя экспансия общественных запросов спровоцировала кризис профессиональной идентичности академиков, переоценку основ профессиональной деятельности.

Используя биографические интервью и результаты контент-анализа советской научной литературы, мы пришли к выводу, что явными стандартами, ценностями и нормами советской науки были:

- сциентизм и самоценность науки и научной деятельности;
- принцип полного самопожертвования ради науки;
- методологический и познавательный корпоративизм;
- примат внутренней экспертизы достоверности научного знания.

На вопрос анкеты «Кто, по вашему мнению, повлиял на падение статуса науки?» от информантов были получены следующие варианты ответов (данные приведены по частоте встречаемости):

- 1) государство;
- 2) общество;
- 3) паранаучная активность, другие формы освоения и отражения реальности (религия, кино, литература, астрология);
- 4) СМИ.

Также интервью, проведенные с казахстанскими и российскими учеными, свидетельствуют о том, что происходит процесс размывания внутреннего мотивационного и социального единства профессионального сообщества и формируются и набирают силу новые стили поведения (и соответствующие установки) в рамках самого научного сообщества. Происходит процесс формирования нового типа ученого, которому соответствует и новый стиль профессионального поведения ученого: если раньше образцом классического ученого являлась деятельность по «поиску и производству нового знания», а следовательно, основной продукцией была научная статья, то теперь для части академических ученых, возможно, не менее важным становится презентация полученных новых знаний,

успешность которой зависит не только от оценки со стороны профессионального сообщества, но и от публичной реакции. Ведутся поиски продуманных и вариативных процедур предъявления этого знания обществу.

Зоны поиска профессионального консенсуса и возникновения конфликтов располагаются по линиям противостояний между научным академическим сообществом, непрофессионалами, общественностью, властью и рынком. Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров такой борьбы из истории становления постсоветских научных сообществ.

Первый кейс-стади, который мы рассмотрим, касается борьбы между так называемым профессиональным научным сообществом и «непрофессионалами», бросившими вызов научной компетенции. Эпизод, о котором идет речь, разворачивается в российской науке, в ее естественно-научном направлении. Эта ситуация тем более представляет интерес, так как по общему представлению естественные науки всегда были и остаются, якобы, более «чистыми» и объективными, по сравнению с социогуманитарными. Итак, в 2009 г. некий В.И.Петрик, гений-самоучка, совместно со спикером российской думы Б.Грызловым получает патент на несколько изобретений (в том числе на новую технологию получения графена, используемого при очистке воды) и бросает вызов Российской Академии наук, противопоставляя ее институциональной деятельности свою неорганизованную, интуитивную деятельность вне признанных лабораторий. Обладающий некой харизмой и стремлением к славе и известности, В.И.Петрик ведет активную деятельность и даже борьбу с академической общественностью за право признания и соответственно финансирования своих достижений. Вот комментарий российского ученого о деятельности В.И.Петрика: «Несет он несусветное. Например, что его электроды сделаны из нано-шпинели. Словечко *нано* (в переводе с греческого, между прочим, — карлик) сейчас основное в лексиконе Петрика. Его убогая речь изобиловала такими перлами, как «электрод выполняет другую возможность». Фильтр Петрика, по его словам, сравнивали в Америке в американской лаборатории с лучшими образцами, и фильтр Петрика оказался в 350 раз лучше» [4; 14]. Ситуацию усугубил тот факт, что проводимые испытания изобретений В.И.Петрика не дают однозначного заключения об их ценности. Дело В.И.Петрика привело к череде скандалов, как между представителями академического сообщества России, так и между учеными и так называемыми непрофессионалами — людьми, стоящими вне рамок официальной учености. В целом эта ситуация, безусловно, стала некоей встряской или моментом истины, когда у академического сообщества есть повод в очередной раз вспомнить свои базовые ценности и цели, внутреннюю корпоративную культуру.

Другим примером может являться ситуация, которая сложилась в российском историческом научном сообществе. Речь идет о деятельности А.Т.Фоменко — ученого-математика, вторгшегося в сферу социогуманитаристики посредством создания своей концепции Новой исторической хронологии. Согласно научным построениям А.Т.Фоменко, общепринятая хронология мировых событий является искаженной, и фактически весь мировой процесс является «склежкой» четырех одинаковых экземпляров хроники событий позднего средневековья, а события разных эпох и регионов являются лишь «фантомными» копиями какого-то одного события, произошедшего в этот исторический период. Причина такого подхода, по мнению автора, — «заговор» в среде западной исторической науки с целью уничтожения роли России в историческом процессе. Концепция А.Т.Фоменко неоднократно подвергалась тотальной критике и даже обструкции со стороны российской академической науки. Однако это никак не влияет на деятельность А.Т.Фоменко — в 2010 г. было, например, опубликовано 14 наименований его книг. «Борьба Фоменко «за правду» продолжается до сих пор. На фоне резко обострившейся в 1990-е и 2000-е гг. ностальгии по имперскому прошлому подобные концептуализации исторического процесса, выдаваемые за поиски «подлинной истории», продолжают иметь широкую популярность в российском обществе» [5; 150]. Но не в среде российских ученых.

Примером возникновения внутрикорпоративных конфликтов в профессиональной научной сфере может служить кейс-стади из истории развития казахстанской науки в связи с реформой системы присуждения академических степеней. В 2009 г. несколько десятков виднейших представителей академической науки выступили с письмом, в котором ставилась под сомнение эффективность новой системы присуждения степени PhD. Дискуссии по поводу качества подготовки новых научных кадров развернулись внутри академического корпуса и в среде преподавателей. Приведем некоторые свидетельства: «В 2008 г., за неделю до защиты диссертации, я присутствовал на одном из совещаний, посвященных предстоящей защите докторантов PhD. Заседание было дежурным и малозначимым, но один из профессоров позволил себе ремарку о низком уровне квалификации докторантов, и после этого началось. На протяжении последующих полутора часов видные казахстанские ученые

поднимались и рассказывали о том, как плоха профессиональная подготовка докторантов и насколько низким является качество их диссертационных работ» [6; 56, 57]. Как свидетельствует практика, процесс реформирования системы присуждения академических степеней в Казахстане сопровождается значительным социальным напряжением, которое выражается в противостоянии представителей различных систем академической классификации.

Действительно, разнообразные социальные и культурные изменения в современном индустриальном обществе тесно связаны с трансформирующейся ролью профессий и их определением в контексте отношений между государством, рынком и общественностью. Как показывает опыт изучения отдельных профессиональных групп, характер профессионализации оказывается тесно связанным с закреплением прав профессиональных групп на автономию от государства и самоуправлением, которое осуществляется в рамках специализированных ассоциаций, эволюционировавших от средневековых гильдий и научных обществ. Членство в ассоциациях позволяет профессионалам организовать защиту своих привилегий от рыночной конкуренции, контроль за профессиональным образованием и подготовкой, за работой отдельных профессионалов и потребностями клиентов. В фокус внимания при таком подходе помещаются различные, в том числе конфликтные, негативные аспекты отношений между государством, рынком, профессиями и гражданами. Собственно говоря, наиболее ценным становятся исследования, которые изучают, как меняются традиционные формы консенсуса, сложившиеся между профессионалами как провайдерами и потребителями услуг.

Признание множественности сосуществующих и конкурирующих между собой рациональностей и этических систем позволяет лучше понять мир конкретной профессии изнутри и ее статус в обществе.

Список литературы

1. Профессия // Социология труда. Теоретико-прикладной словарь / Под ред. В.А.Ядова — СПб.: Наука, 2006. — 366 с.
2. Батыгин Г. Из интервью на блоге сайта ФОМ [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение» [сайт]. URL: <http://www.fom.ru/batygin.htm> (дата обращения 11.08.2009).
3. Батыгин Г. Профессионалы в расколдованном мире. Этика успеха. Тюмень. — М.: Наука, 1994. — 87 с.
4. Штерн Б. Российская академия наук: наступит ли момент истины? // Наука и общество. — 2009. — № 44. — 65 с.
5. Сайнаков Н., Яблоков И. Теории заговора как часть маргинального дискурса (на примере создателей Новой хронологии Н.А.Морозова и А.Т.Фоменко) // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. — 2011. — № 1. — С. 65.
6. Родионов А.Н. Битва степеней: почему кандидаты и PhD не любят друг друга // Постсоветские модели социальных трансформаций: опыт двадцатилетия: Материалы междунар. конф. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2011. — 485 с.